

© Л.М. СИМОНОВА, И.П. ГИБЛЕР, А.С. КИСЕЛЕВА

lsim@utmn.ru, i-kaktus@yandex.ru, alecu89@mail.ru

УДК 34:328.185(470+571)

**КОРРУПЦИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЙ
И ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМАХ ОБЩЕСТВА:
СПЕЦИФИКА РОССИИ***

АННОТАЦИЯ. Цель данного исследования заключается в анализе и идентификации коррупционных отношений и специфики их проявления в институциональной и инновационной системах российского общества. Размах и масштаб коррупции в России отрицательно воздействует на реализацию многих значимых для общества проектов, что доказывает злободневность и актуальность рассматриваемой темы. В статье раскрывается сущность, источники и мотивы коррупционных отношений в российском контексте. Рассматриваются типичные модели коррупционного поведения в России. Коррупция анализируется главным образом как институционально-правовой феномен. Объектом рассмотрения также являются коррупционные рейтинги России и ее позиционирование в сравнении с другими странами. Специальное внимание уделяется выявлению характерных черт феномена коррупции в России, его эволюции, особенностям, негативным и позитивным эффектам воздействия на общество. Анализируется процесс трансформации коррупции в самостоятельную институциональную подсистему общества и последствия этого для России.

SUMMARY. The objective of the research is to identify and analyze peculiarities of corruption in the legal-institutional and innovative systems of the Russian society. The scale and scope of corruption in Russia affects realization of many important projects in a negative way, which makes the topic analyzed very timely and urgent. The article discloses the essence of corruption, and uncovers the sources and motives of it in the Russian context. Typical models of corrupt behavior in Russia are outlined. In the article the corruption is analyzed mostly as the institutional and legal phenomenon. The article discusses the ranking levels of corruption in Russia in comparison with other countries. Specificity of this phenomenon in Russia, its evolution, peculiarities, negative and positive social functions in the society are explored. The process of corruption's transformation into an institutional subsystem, and the consequences of this process are highlighted.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Коррупция, институционально-правовая система, инновационная система, деловая коррупция, кризис доверия, национальная безопасность.

KEY WORDS. Corruption, crisis of trust, institutional-law system, innovative system, business corruption, national security.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0972 «Формирование и развитие региональной инновационной экосистемы»*

Коррупция в рамках институционального подхода выступает мерой внутренней неупорядоченности функционирования системы институтов. В основу современных международных регулирующих стандартов заложена каноническая глобальная концепция коррупции, предполагающая безусловную завершенность институциональной системы регулирования деловой практики, когда рационально-правовой порядок и институционализация правил приобрели статус нормы, а коррупция выступает отклонением от нее. Однако вряд ли западные «лекала» полностью адекватны условиям незападного общества. По всей видимости, глобальная коррупционная парадигма имеет лишь ограниченную применимость в России, где подобный «рационально-правовой порядок» находится в стадии формирования. В основу современных международных регулирующих стандартов заложена каноническая глобальная концепция коррупции, предполагающая безусловную завершенность институциональной системы регулирования деловой практики, когда рационально-правовой порядок и институционализация правил приобрели статус нормы, а коррупция выступает отклонением от нее.

1. *Уровень коррупции в России в системе международных координат.*

В 2012 г. в соответствии с общепризнанным «индексом восприятия коррупции» (ИВК), ежегодно рассчитываемым и публикуемым международной организацией Transparency International (ТИ), Россия по коррумпированности заняла 133 место среди 176 стран, попав со значением индекса в 28 баллов в одну группу с Гондурасом, Гайаной, Ираном и Казахстаном. Странами с наименьшим индексом восприятия коррупции, а значит, нулевым влиянием коррупции на общество, стали страны Северной Европы — Дания и Финляндия, США — в первой «двадцатке», 19-е место (значение индекса равное 73), Япония — на 17-м месте (74 балла), Германия — 13-е место в рейтинге [1].

По словам основателя ИКЕА Ингвара Кампрада, Россия в коррупционном отношении представляет собой «особый случай».

2. *«Сырьевой» vs. «инновационный» тип экономики России.*

В настоящее время настоятельно доказывается необходимость перехода от сырьевой модели экономики России к инновационной, параллельно столь же широко декларируется усиление борьбы с коррупцией в нашей стране. Однако ни на уровне теоретического осмысления, ни, тем более, в практике политических решений, эти масштабные проблемы не взаимосвязываются и не соотносятся между собой. Между тем, они существенным образом взаимосвязаны и взаимообусловлены. Более того, именно устойчиво воспроизводящаяся система коррупционных отношений препятствует переходу России на инновационный путь развития. С чем это связано? Во-первых, сырьевая модель экономики обеспечивает государству извлечение доходов не столько в зависимости от деловой активности граждан страны, либо эффективности работы его государственного аппарата, сколько под воздействием независимых от них конъюнктурных факторов развития мировой экономики и сырьевых рынков. Эта фундаментальная причина разрывает взаимообразную связь государства со своими гражданами, которое не ориентировано на действия в интересах широких слоев населения, и порождает отчуждение граждан от государства, которые не стремятся влиять на власть и, сталкиваясь со случаями коррупции, не намерены информировать о них органы государственной власти. Более того, они убеждены, что каждый чиновник берет взятку, воспринимают коррупцию как норму, пытаясь решить

вопросы с помощью взятки, и, тем самым, подпитывая коррупцию. В результате в обществе складывается ситуация полнейшей бесконтрольности со стороны общественности за работой государственных служб и создаются благоприятные условия расширенного воспроизводства коррупционных отношений. С другой стороны, нарушается принцип «противовесов» общества и власти: «граждане воспринимают государственные структуры не как необходимый элемент системы производства общественных благ, обеспечивающей рост общественного благосостояния, а как совершенно чуждую общественным интересам совокупность чиновничьих структур, озабоченных исключительно максимизацией собственного благосостояния посредством власти, которой они наделены» [2; 4]. Это свидетельствует о крайне опасном, фундаментальном изъяне современного общественного устройства России — кризисе доверия между обществом и государством, что обеспечивает самовоспроизводство коррумпированной системы государственного управления в устойчивом режиме. В этих условиях инновационный тип поведения не только не приветствуется, а является алогичным и иррациональным. Так, топ — менеджменту корпораций намного выгоднее «распиливать» с многочисленными подрядчиками огромный годовой бюджет на ремонт технологических линий в рамках системы откатов, нежели внедрять дорогостоящие и высокорисковые технологические инновации. Не удивительно, что сейчас на всех крупных предприятиях страны руководство заводов зарабатывает на ремонте. Кроме того, инновационная деятельность требует значительных инвестиций. Российские инвесторы — это, в первую очередь, олигархи. В отсутствие доверия между обществом и государством они заинтересованы только в быстром и безболезненном вывозе капитала, полученного от продажи ресурсов страны. Если же говорить о малом и среднем бизнесе, то здесь предпринимателям не до инноваций: для их осуществления требуется получение дополнительных разрешений, лицензий и т.п. у коррумпированной власти, что требует больших затрат, у них ограниченный доступ к кредитам при высоком уровне риска инноваций. Кроме того, при слабой спецификации и защите прав собственности в российской коррупционной системе инвестиционные проекты инновационного характера теряют свою экономическую привлекательность и имеют краткосрочный характер. Указанные факторы демотивируют инновационную активность предпринимателей, и напротив, стимулируют рентоориентированное поведение [2; 8].

Таким образом, коррупция оказывает неблагоприятное воздействие как на инвестиционную, так и инновационную активность предпринимательства, содействует рентоориентированному поведению и приводит к значительным общественным потерям. Проведенное Vito Tanzi исследование по 53 странам доказывает наличие положительной статистически значимой зависимости между уровнем коррупции в стране и отношением числа студентов, получающих юридическое образование к числу студентов с инженерным образованием, иначе говоря, большая доля юристов является индикатором привлекательности рентоориентированного поведения [3].

3. Преобладающий тип макроэкономической модели коррупции в России.

Согласно типологии, предложенной А. Шляйфером и Р. Вишни, известны *три модели коррупции*: монополистическая, дерегулируемая, конкурентная [4].

В монополистической модели предоставление общественных благ находится в одних руках под единым бюрократическим контролем. При реализации дерегулируемой модели бюрократические структуры действуют относительно независимо друг от друга в подведомственных им областях. И наконец, конкурентная модель предполагает, что каждое общественное благо обеспечивается более чем одной бюрократической структурой. При этом действия чиновников могут осуществляться двумя способами — «без приворовывания» (without theft) у государства и «с приворовыванием» (with theft). В первом случае платежи государству остаются в неприкосновенности, и к легальным транзакционным издержкам добавляются нелегальные издержки в форме взятки. Во втором случае предприятия «освобождаются» от официальных платежей, перекладывая часть «сэкономленных» средств в карман бюрократа [5].

Для современной России характерна дерегулируемая модель, которая связана с неизбежным увеличением масштабов коррупции.

4. *Непрозрачность и логическая противоречивость действующей системы формальных правил и процедур.* Система формальных правил и процедур должна быть выстроена таким образом, с такой степенью ясности, четкости, прозрачности, чтобы свести к минимуму возможности извлечения потенциальной ренты из коррупционных отношений. В противном случае, даже несмотря на качественный уровень законодательных норм, система действующих формальных правил, не отвечающих вышеназванным требованиям (неоправданные запреты и ограничения на ведение деятельности, нечеткие формулировки правил, допускающие произвольную трактовку их чиновниками и т.п.), будет деформировать законодательство и провоцировать коррупцию.

Указанный факт подтверждает совместное исследование Национального совета по корпоративному управлению и Российско-Британской торговой палаты, проведенное в России в 2010 году. Согласно полученным результатам, разительное отличие деловой культуры Запада от российской зарубежным бизнесменам и экспертам видится в «открытости, честности и транспарентности ведения бизнеса». Так, один из респондентов отметил: «Большой бизнес в России основывается на власти, политических связях и коррупции. Деловая этика присутствует только в той мере, в какой она способствует продвижению бизнес-интересов». Эксперты отмечали огромное влияние государства и чиновников, которые руководствуются «неясными целями и мотивами», также подчеркивалось, что «влияние на ведение бизнеса со стороны властей — прежде всего налоговых и контрольных служб, органов по лицензированию — за последнее время существенно выросло». Особое недовольство вызывает «волокита» и «высокий уровень коррупции». Так, иностранные респонденты оценили нынешнее состояние российской правовой и регулятивной среды применительно к бизнесу на посредственном уровне, примерно на «троечку» по предложенной 10-балльной шкале. Один из экспертов сформулировал эту проблему в общем плане: «В российском бизнесе сильно выражен культ секретности, иногда на грани паранойи. Понятно, как это явление возникло — страх перед государством, страх перед конкурентами, слабая правовая и регуляторная среда и неопределенное правоприменение. Все это сильно мешает ведению конструктивного бизнеса» [6].

Бывший генеральный директор British Petroleum Джон Браун, анализируя российскую деловую практику, справедливо замечает: «Проблема заключается не в недостатке законов, а в избирательном их применении. Именно это создает ощущение произвола. Хотя бюрократические правовые процессы являются главной характеристикой России, здесь невозможно предугадать, посмотрят ли на твое дело сквозь пальцы или применят закон в полной мере» [7; 5].

5. *Декларируемая и фактически реализуемая степень противодействия/лояльности к коррупции политического руководства страны.* Она определяется соотношением тех издержек по противодействию коррупции, которые несет политическое руководство страны, с суммой наносимого ей ущерба политической элите. Большая степень лояльности наблюдается, безусловно, в «затратном» варианте. Но еще большее значение имеет такой фактор, как степень вовлеченности политического истеблишмента в коррупционную систему государственного управления.

Истинная степень лояльности/противодействия проявляется в степени строгости наказания к политическим лидерам, вовлеченным в коррупционные отношения (избирательность и персонализированность применения закона, перевод коррупционеров на другую должность и др.), неприменение эффективных и оправдавших себя эффективных инструментов борьбы с коррупцией, что фактически означает безнаказанность и поощрение коррупционного поведения. Так, по словам председателя Конституционного суда России Валерия Зорькина, явно недоиспользован потенциал таких эффективных способов его пресечения, как возможность конфискации имущества у коррупционеров, создание нормативной базы для проведения спецопераций против коррупции и преодоления иммунитета высокопоставленных лиц. В последние годы настоятельно рекомендовалось специалистами и экспертами-профессионалами (и это предложение было поддержано широкой общественностью) осуществить переход от декларирования доходов чиновников к декларированию их расходов. Но все эти эффективные меры, основанные на анализе передового опыта ряда стран и направленные на укрепление конституционного строя, так и не стали руководством к действию.

6. *Невысокая эффективность институционального контроля за коррупцией.* Данная характеристика, как и предыдущая, прямо влияет на величину вероятности разоблачения коррупционных сделок и напрямую зависит от степени эффективности и выстроенности, логической взаимоувязанности и непротиворечивости формальной системы правил и процедур, ее ясности и четкости. «Честный и профессиональный контролер, хороший аудитор и ясные правила этики поведения должны способствовать разоблачению коррупционной деятельности и сокращать стимулы к участию в такой деятельности» [8]. В этом отношении подмена стратегических целей тактическими сиюминутными, подмена реально выполняемых процессов фиктивными, неотработанность системы реальных критериев проверки эффективности деятельности федеральных органов власти, несмотря на действенные меры со стороны Счетной Палаты РФ, так же как и отсутствие специально разработанных блоков индикаторов (ключевых показателей эффективности) федеральных целевых программ, сведение позитивного американского опыта действия федеральной контрактной системы США к сомнительному в коррупционном отношении российскому аналогу —

практике проведения тендеров на закупки — все это создает благоприятные условия для коррупции и способствует воспроизводству коррупционных схем.

7. *Наличие коррупционной связи между властью и бизнесом* (в отличие от других стран, где она менее заметна или носит случайный, единичный характер). *Устойчивость этой связи* является определяющим фактором характеристики российской действительности и представляет серьезнейшую общественную опасность, так как благодаря ей существуют обширные коррупционные сети, не просто извлекающие прибыль из своей противоправной деятельности, но инвестирующие ее в развитие самой коррупции. Это делает коррупцию в стране системным фактором, присущим *российской модели*. По оценке Левина и Сатарова, Россия является страной «с масштабной эндемической коррупцией, когда коррупция из эпизодического отклонения от моральных и юридических правил превращается в несущую конструкцию власти, норму взаимоотношений граждан и государства» [9; 25].

8. *Экономические, политические и социальные последствия коррупции для России*. Коррупция представляет угрозу национальной безопасности (неэффективность силовых и правоохранительных структур), экономической безопасности, поскольку формирует и воспроизводит аномальную экономику, ведет к деградации человеческого капитала, особенно в наиболее пораженных коррупцией сферах здравоохранения и образования, разрушает сферу права, вызывает деградацию правового сознания и затягивает общество в опасную институциональную ловушку, в которой коррупция носит массовый, систематический характер, превращается в неформальную норму и устойчиво сама себя воспроизводит [10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Влияние коррупции на экономический рост. URL www.econ.msu.ru/cmt2/lib/c/520/file/impact_of_corruption_on%2
2. Tanzi, V., Davoodi, H.R. Corruption, Growth and Public Finances, IMF Working Paper, WP/00/182, 2000.
3. Shleifer, A., Vishny, R.W. Corruption // Quarterly Journal of Economics. August 1993. Vol. CVIII. № 3. P. 601-607, 610.
4. Радаев В.В. Экономическая социология: Учебник. М., 2005.
5. Современное корпоративное управление в России глазами зарубежных бизнесменов и экспертов. Результаты совместного исследования Национального совета по корпоративному управлению (НСКУ) и Российско-британской торговой палаты. М., 2010.
6. Леденева А., Шекшня С. Бизнес в России: неформальные практики и антикоррупционные стратегии. Russie.Nei.Visions#58: IFRI Центр Россия/ННГ, март 2011. 27 с.
7. Tanzi, V. Corruption around the World: Causes, Consequences, Scope and Cures, IMF Working Paper, WP/98/63, 1998.
8. Левин М., Сатаров Г. Коррупция в России: классификация и динамика // Вопросы экономики. 2012. №10. С. 4-29.
9. URL: www.transparency.org
10. Сатаров Г., Головщинский К. Коррупция и эффективность. Как это работает. URL: <http://www.gazeta.ru/comments/tendency/109386.html> (18 мая 2004 г.)

REFERENCES

1. *Vlijanie korrupcii na jekonomicheskij rost* (Influence of corruption on the economic growth) Available at: www.econ.msu.ru/cmt2/lib/c/520/file/impact_of_corruption_on%2 (in Russian)
2. Tanzi, V., Davoodi, H.R. Corruption, Growth and Public Finances, IMF Working Paper, WP/00/182, 2000.
3. Shleifer, A., Vishny, R.W. Corruption. *Quarterly Journal of Economics*. August 1993. Vol. CVIII. No. 3. P. 601-607, 610.
4. Radaev V.V. *Jekonomicheskaja sociologija* [Economic sociology]. A textbook. Moscow, 2005 (in Russian).
5. *Sovremennoe korporativnoe upravlenie v Rossii glazami zarubezhnyh biznesmenov i jekspertov. Rezul'taty sovmestnogo issledovanija Nacional'nogo soveta po korporativnomu upravleniju (NSKU) i Rossijsko-britanskoj torgovoj palaty* [Modern corporative government in Russia as seen by foreign businessmen and experts. Results of a common research by National Council of Corporate Government and Russian-British Chamber of Commerce]. Moscow, 2010 (in Russian)
6. Ledeneva, A., Shekshnja, S. *Biznes v Rossii: neformal'nye praktiki i antikorrupcionnye strategii* (Business in Russia: non-formal practices and anti-corruption strategy). *Russie.Nei. Visions* 58: IFRI Centr Rossija/NNG, March 2011, 27 p. (in Russian)
7. Tanzi, V. Corruption around the World: Causes, Consequences, Scope and Cures, IMF Working Paper, WP/98/63, 1998.
8. Levin, M., Satarov, G. Corruption on Russia: classification and dynamics. *Voprosy jekonomiki — Economy issues*. 2012. No. 10. P. 4-29 (in Russian).
9. www.transparency.org
10. Satarov, G., Golovshhinskij, K. *Korrupcija i jeffektivnost'. Kak jeto rabotaet* (Corruption and efficiency. As it works). URL: <http://www.gazeta.ru/comments/tendency/109386.html> (18 may 2004) (in Russian)